

Наверняка семье младшего дяди, захватившей дом и земли прежнего хозяина, теперь будет очень непросто!

Вэнь Жунь вовсе не был наивным «белым кроликом». Продав единственное крупное имущество, он уже думал о будущем: нужно оставить вырученные деньги и обязательно приобрести новое имение — уже здесь, в Ляньхуаао.

В деревне людей мало, а земли — много. Можно купить участок и сдавать его в аренду.

Почему Ляньхуаао так бедна? Да потому, что хотя земли и много, она не принадлежит крестьянам — это бесхозные угодья, находящиеся в собственности императорского двора.

Да и денег у местных жителей почти нет, чтобы выкупить землю.

В уездной управе Вэнь Жунь провозился до самого полудня. Прощаясь, он оставил писцу два ляна серебром — тот был в восторге и подумал про себя: «Вот уж суйцай, что понимает толк в жизни!»

В обед они поели в гостинице, а после полудня Вэнь Жунь отправился в уездную академию.

Академия оказалась довольно большой: просторный двор, окружённый густой зеленью. Везде росли персиковые и сливы — в честь древней поговорки: «Под деревом персика и сливы учителя воспитывают учеников» («тао ли мань тянься» — «ученики, как цветы персика и сливы, наполняют мир»).

В академии работали трое наставников.

Старший из них — «шаньчжан» («глава горы»), то есть ректор, одновременно исполнявший должность уездного «цзяюй» — по сути, начальника местного отдела образования.

Ещё двое — обычные учителя, оба имели степень цзюйжэня (выше суйцай).

Академия была государственной, но плату за обучение («шу суй») ученики отдавали напрямую учителям, поэтому доходы всех троих были весьма приличными.

Их семьи жили в достатке, а профессия учителя пользовалась огромным уважением.

Все суйцаи этого года, включая Вэнь Жуня, недавно сдавали уездные экзамены на цзюйжэня — результаты ещё неизвестны.

Но статус линшэня у Вэнь Жуня сохранялся, поэтому он спокойно обновил в академии адрес

прописки, получил положенные пайки — пять лянов серебра, двадцать цзинь риса и двадцать цзинь муки — и, поблагодарив наставников, поспешил уйти.

Ему было крайне неловко среди учителей: их речь, полная цитат из «Четырёх книг» и «Пяти канонов» — «чжи ху чжэ я», «цзы юэ» и прочих классических оборотов — резала слух.

Хотя он и унаследовал воспоминания прежнего хозяина тела, но всё же оставался другим человеком.

Боясь, что кто-то заметит несоответствия в его поведении, он не стал задерживаться.

Зато сами наставники искренне сожалели:

— Такой талантливый книжник... погублен собственным дядей!

— Стал «братом по договору» — теперь путь вверх по служебной лестнице для него почти закрыт!

— Если бы уж сдал экзамены на цзюйжэня — тогда бы горе сменилось радостью...

Ученики академии тоже жалели: Вэнь Жунь был одарён в учёбе, а теперь его насильно выдали в «братский союз»... и даже «в чужой край»!

Но сам Вэнь Жунь не видел в этом ничего ужасного.

Он ведь переродился — да ещё и методом «переселения души».

Даже имея воспоминания прежнего хозяина, он не смог бы спокойно жить в знакомой тому обстановке.

«Дальняя свадьба» — это как раз то, что нужно!

Здесь никто не знает его прошлого, никто не знаком с ним лично — идеальные условия для новой жизни.

Вернулся он в Ляньхуаао только под вечер. К счастью, из гостиницы он захватил с собой еду — разогрел, и получился ужин.

На следующий день он снова зашёл к дяде Чжану, чтобы поблагодарить.

Теперь Вэнь Жунь официально считался жителем Ляньхуаао.

Десять лянов из приданого, пять лянов, оставшихся у семьи Ванов, и ещё пять лянов, полученных в академии — итого двадцать лянов серебром.

Теперь в доме появилась хоть какая-то финансовая опора.

Дети были в восторге: серебро и зерно — для них это уже надежда на будущее.

Вэнь Жунь продал родовой дом и земли за двести восемьдесят три ляна серебром.

Но никому об этом не сказал — просто принёс деньги домой и спрятал в своём кабинете.

Пять слитков по пятьдесят лянов он сложил в небольшой ящик и закопал под книжным шкафом в землю.

Ещё у него было три слитка по десять лянов и три ляна медяками.

Медяки он отдал Ван Цзюэ:

— Пусть будут на мелкие покупки в доме.

А три десятиляновых слитка передал ему же:

— Это — деньги на чрезвычайный случай.

— Хорошо, старший брат-муж, — ответил мальчик. Теперь он относился к деньгам с особым трепетом.

Получив их, он почувствовал себя гораздо увереннее.

Вэнь Жунь отнёс два цзиня риса и пять цзинь белой муки соседям — семье Янов — в знак благодарности за помощь.

Дядя и тётушка Ян были добрыми людьми. У них самих было трое детей, и, будь у них побольше средств, они бы с радостью взяли к себе и троих сирот Ванов.

Но, увы, «желание есть, а силы — нет».

Кроме того, Вэнь Жунь попросил тётушку Ян об одной услуге.

Из приданого у него остались ткани — он специально отобрал два отреза и передал ей с просьбой сшить каждому ребёнку по три комплекта одежды: и верхнюю, и нижнее бельё — всё как положено.

Тётушка Ян согласилась.

Вэнь Жунь заметил: у детей было всего по три наряда. Самый новый — тот, что они надели в день его приезда. Остальные два — в лохмотьях, с заплатами на заплатках. На это было больно смотреть.

К тому же, мальчики и девочка уже не малыши — им обязательно нужно нижнее бельё. В детстве это не так важно, но теперь — совсем другое дело.

Также он сварил для детей рисовую кашу — пусть едят хоть немного белого риса.

Они были слишком худыми! Без подпитки тонкими крупами им не поправиться.

К счастью, Вэнь Жунь был новичком в деревне и почти не выходил из дома. Зато Ван Цзюэ проявил инициативу: однажды он принёс домой пятьдесят цыплят, тридцать утят и пятьдесят гусей!

— У нас нет крупного скота — нечем кормить, — объяснил он просто. — Так что я подумал: заведём птицу. Когда подрастёт — и на мясо пойдёт. Я буду ухаживать за гусями, младший брат — за цыплятами, а сестрёнка — за утятами. Всё чётко!

— Если ты так решил — пусть будет так, — улыбнулся Вэнь Жунь. Что ещё он мог сказать?

За эти дни он привык к дому и хозяйству. Однажды, в ясный солнечный день, он специально вскипятил воду и выкупал обоих братьев.

А для сестрёнки попросил тётушку Ян помочь — та искупала девочку, тщательно промыла ей волосы, дала высохнуть на солнце и передела в новую одежду.

— Старший брат-муж, у вас что-то случилось? — настороженно спросил Цзюэ, ощупывая новую ткань.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Просто ваши старые одежды совсем износились. Я попросил тётушку Ян сшить вам по паре новых. Старые пусть будут для работы, а в обычные дни носите вот эти — гораздо лучше.

Ещё она сшила по десять комплектов нижнего белья — чтобы можно было менять.

Вэнь Жунь не был из тех, кто «не притрагивается к домашним делам».

Последние дни он убирал дом, стирал, готовил. Дровами, к счастью, не нужно было заниматься: его ещё не видевший «брат по договору» перед уходом в армию заготовил целый год дров — и даже с запасом!

Видимо, уходил он с тяжёлым сердцем.

Как же иначе? Молодой парень, да ещё с тремя малолетними на руках — разве можно было просто уйти?

А ведь Ван Цзюэ, хоть и старался изо всех сил, всё равно оставался десятилетним ребёнком.

Дом построили — и что с того? Без взрослого в доме — одна беда.

— А... — трое «маленьких хитрецов» облегчённо выдохнули и поблагодарили: — Спасибо, старший брат-муж!

— Молодцы, — ласково ответил Вэнь Жунь. Он не стал поправлять их за это обращение.

Так Вэнь Жунь обосновался в Ляньхуаао.

Он шил детям одежду, кормил их белым рисом и пшеничной мукой.

Мяса в доме было мало, поэтому он попросил тётушку Ян иногда покупать курицу — сварить суп или потушить.

Почти две недели дети ели с мясом, хоть и без изысканных деликатесов. Но регулярное мясо в рационе и тонкие крупы постепенно вернули им здоровый цвет лица.

Хотя бы перестали быть «бледными, как листья капусты».

Огород тоже радовал урожаем, а цыплята, утята и гусята прижились и росли на удивление хорошо.

<http://bllate.org/book/15642/1398024>